

НА ПУТИ К ОКОНЧАТЕЛЬНОМУ ОСВОБОЖДЕНИЮ ОБЪЕКТА ОТ СУБЪЕКТА

ЛЕВИ Р. БРАЙАНТ

Леви Р. Брайант. Доктор философии, профессор философии Коллин-колледжа городского региона Даллас — Форт Уэрт.
Адрес: 9700 Wade Boulevard, Frisco, TX 75035, USA.
E-mail: lbryant@collin.edu.

Ключевые слова: онтикология, плоская онтология, объекты, отмеченное и неотмеченное, реализм, антиреализм, Латур, коллективы.

В статье рассматриваются базовые координаты эпистемологии и онтологии Нового времени, а также намечается проект «онтикологии» как варианта объектно-ориентированной онтологии. Автор указывает на то, что как реалисты, так и антиреалисты обычно исходят из эпистемологической привилегии субъекта и той или иной трактовки проблемы «доступа» к реальности. По его мнению, базовое различие субъекта и объекта, превалирующее в новоевропейской онтологии, само имеет слепые пятна, связанные с самой структурой различения. Эта структура толкуется им как соотношение «отмеченного» и «неотмеченного»: к последнему как раз и относились традиционно объекты. Напротив, онтикология и ее «плоская онтология» предполагают, что не существует ничего кроме объектов, в число которых включаются и субъекты.

TOWARDS A FINALLY SUBJECTLESS OBJECT

LEVI R. BRYANT. PhD in Philosophy, Professor of Philosophy at Collin College in the Dallas — Fort Worth metropolitan area.
Address: 9700 Wade Boulevard, Frisco, TX 75035, USA.
E-mail: lbryant@collin.edu.

Keywords: onticology, flat ontology, objects, marked and unmarked, realism, antirealism, Latour, collectives.

The article addresses the basic mapping of modern epistemology and ontology, and blueprints the project of “onticology” as a version of object-oriented ontology. The author points to the fact that realists as well antirealists both share the assumption of the epistemological privilege of subject, and take as a premise different interpretations of the access to the reality. But the fundamental subject-object difference has its blind spots conditioned by the structure of distinction itself. This structure is treated by the author as a relation between “marked” and “unmarked.” Traditionally, objects were being assigned to the void sphere of “unmarked.” On the contrary, onticology with its “flat ontology” supposes that there is nothing except objects, and subjects are included to the multitude of “objects.”

Следствие эмпирического метода в метафизике заключается в том, чтобы всерьез и настойчиво рассматривать конечные разумы как одну из многих форм конечного существования, не обладающую перед ними ни одной привилегией, кроме тех, что обусловлены бóльшим совершенством и развитостью. Если бы исследование должно было доказать уникальность познавательного отношения, то, сколько бы невероятным ни казался этот результат, его пришлось бы принять на веру и согласовать с остальной частью схемы. Но, на первый взгляд, нет никаких оснований для предположения, а тем более принятия за догму того, что поскольку любой опыт предполагает разум, то все переживаемое в опыте обязано своими бытием и качествами разуму. Разумы являются не более чем самыми одаренными из известных нам граждан демократии вещей. В отношении же бытия и реальности все граждане обладают одинаковым статусом. Они разнятся по значимости; как в демократии, предоставляющей таланту возможности, наиболее одаренные вырастают до способности влиять и властвовать.

Самюэл Александер¹

ПЕРВОЕ, что обычно приходит на ум, когда мы слышим слово «объект», — это «субъект». Второй мыслью, пожалуй, будет то, что объекты фиксированы, стабильны и неизменны, а следовательно, их можно противопоставить событиям и процессам. Объект, говорили нам всегда, — это то, что противоположно субъекту, и вопрос отношения между субъектом и объектом сводится к тому, как субъект относится к объекту или как *репрезентирует* его. По сути, вопрос об объекте превращается в вопрос о том, адекватно ли мы себе его представляем. Позволяют ли представления прикоснуться к объекту в его *реальности* или же, скорее, всегда «искажают» объект так, что нет никаких оснований заявлять, что наши представления на самом деле представляют внешнюю реальность? Получается, что, спрашивая об объектах, мы занимаемся вопросом вовсе не о самих объектах, а, скорее, об отношении между субъектом и объектом. Отсюда, естественно, следуют всевозможные непреодолимые проблемы, поскольку все мы на деле — или по слухам — субъекты и, будучи таковыми, не можем покинуть пределы собственного разума, что-

Перевод с английского Станиславы Барышевой по изданию: © Brayant L. R. Towards a Finally Subjectless Object // Brayant L. R. Democracy of Objects. Ann Arbor: Open Humanities Press, 2011. URL: <http://quod.lib.umich.edu/o/ohp/9750134.0001.001/1:5?rgn=div1;view=toc>.

1. Alexander S. Space, Time and Deity. L.: Adamant Media Corporation, 2007. Vol. 1. P. 7.

РИС. 1

бы установить, соответствуют ли наши представления какой бы то ни было внешней реальности.

Базовой схемой как любого антиреализма, так и того, что я буду называть эпистемологическим реализмом (скоро станет ясно почему), является разделение на мир природы и мир субъекта и культуры (рис. 1). Спор, следовательно, вращается вокруг статуса представления.

В схеме представления объект рассматривается как противоположный субъекту полюс. Спор между реализмом и антиреализмом целиком определен тем, как пересекаются эти две области. Несмотря на то что их пересечение устанавливает или гарантирует связь между ними, оно в то же время содержит и что-то вроде антиномии или фундаментальной неопределенности. Из-за того что представление находится на пересечении этих областей, неясно, схватывает ли оно мир таким, каков он на самом деле. Эпистемологические реалисты ищут соответствие или адекватность между субъектом и объектом, представлениями и положениями дел. Они хотят провести различие между истинными представлениями и плодами воображения, утверждая, что первые отражают мир, как он есть независимо от того, представляет его кто-нибудь или нет. Словом, эпистемологические реалисты настаивают на том, что истинные представления действительно представляют мир, в своем существовании никак не зависящий от факта своего представления субъектом или культурой. Эпистемологический реализм зачастую тесно связан с проектом просвещенческой критики, стремящейся уничтожить суеверие и обскурантизм через обнажение истинной природы мира и разработку способов различать, что эпистемически оправдано, а что — нет.

РИС. 2

В антиреализме, напротив, наше отношение к миру замкнуто в области субъекта, разума и культуры (рис. 2).

Затемненный фрагмент правого круга означает, что область природы и объекта исключена, заблокирована и что мы вынуждены ограничить исследование тем, что дано нам в области субъекта и культуры. Как правило, антиреалист не отрицает существования, независимого от субъекта, разума и культуры мира (то есть речь не о берклианском субъективном или гегельянском абсолютном идеалисте). Однако, утверждает он, поскольку представления принадлежат области субъекта и культуры, мы не в состоянии опознать, являются ли они только нашими конструкциями, так что все не отражают реальность как таковую, или же они суть истинные представления реальности как таковой, независимой от факта представленности. Хотя позиция антиреалиста обычно опирается именно на неразрешимость вопроса о том, является ли представление конструкцией или истинно соответствует реальности, она часто скатывается к тезису о том, что представление *является* конструкцией и что реальность, вероятно, весьма отличается от того, какой мы ее себе представляем. Для антиреалиста истина, таким образом, становится интерсубъективным соглашением, консенсусом или общим представлением, а не соответствием между представлением и реальностью. В самом деле, само понятие реальности превращается в реальность *для-нас* или то, как мы переживаем в опыте и представляем мир. Подобно эпистемологическому реализму, антиреализм часто связан с проектом критики. В этом смысле различные версии антиреализма могут пытаться обнаружить границы того, что мы можем знать, или, например, показать, как «картины» мира конструируются социальным, меняясь в за-

висимости от истории, культуры, языка или экономического класса. Так, антиреалист способен подорвать универсалистские претензии, скрывающиеся за многими «картинами мира» (*world-pictures*) и призванные гарантировать им привилегированность.

Вследствие такой двухчастной схемы вопрос об объекте, о том, *что такое* субстанции, неуловимо превращается в вопрос о том, *как мы познаем и познаем ли* объекты. Вопрос об объектах становится вопросом о конкретном отношении между людьми и объектами. А он, в свою очередь, превращается в вопрос о том, отображают ли наши представления реальность. Этот вопрос, обсуждаемый в эпистемологии, преследовал философию по крайней мере со времен Декарта. Если предшествующая философия была охвачена жаркими спорами об истинной природе субстанции, то начиная с Декарта или его времен философию занимает то, как субъекты относятся к объектам или представляют их. Ставки в этих спорах были отнюдь не скромными. Принципиальным было не скучное обсуждение того, когда и как мы познаем, а, скорее, вопрос о *законности* знания как опоры *власти*. Дискуссии о знании в западной философии периода Возрождения и Просвещения были столь напряженными по той причине, что Европа переживала одновременно рождение капитализма, разрушение традиционных форм власти (монархии и Церкви), Реформацию, подъем демократии и развитие новых наук. Вопросы о знании, будучи *политическими*, одновременно были направлены против аргументов власти в пользу тесно связанных друг с другом монархий и Церкви и обосновывали представительную демократию, демонстрируя, что все люди способны познавать (вариант Декарта и, возможно, Локка) или что знание вообще невозможно, а конституируется ощущением, привычкой или мнением (Юм).

Так или иначе, обе альтернативы, открывшие модерн, — Декарт и Юм — вели к схожим на политическом уровне последствиям: индивиды наделяются правом самостоятельно определять свои формы жизни и участвовать в формировании государства, потому что либо а) все люди способны познавать и, следовательно, не нуждаются в особой власти или откровении для управления собой; либо б) абсолютное знание недоступно для людей, и любая власть, выдвигающая знание как свое основание, оказывается противозаконным мошенником, стремящимся к контролю и манипуляции населением. Одним словом, за рассматриваемой дискуссией стояла проблема эгалитаризма или права каждого участвовать в управлении государством. В той или иной форме эта дискуссия и обе ее альтернативы сохраняются вплоть до на-

ших дней, и их актуальность и политическая напряженность ничуть не меньше, чем во времена поворота к эпистемологии. С одной стороны, есть многочисленные сторонники науки, решительно утверждающие, что наука дает нам *действительно истинное* представление о реальности. Несложно обнаружить за этой декларацией борьбу против роли, которую играют суеверия и религии в политической сфере. Общество следует любой ценой защитить от суеверных и религиозных иррациональностей, угрожающих снова ввергнуть нас в Темные века. Здесь в качестве примера вспоминается книга «Бог как иллюзия» Ричарда Докинза². С другой стороны, есть социальные конструктивисты и антиреалисты, настаивающие, что наши понятия общества, человека, расы, гендера и даже реальности сконструированы. Их беспокоит то, что любая положительная претензия на знание рискует превратиться в исключаящую и подавляющую силу господства, и приходят они к такому выводу не без убедительных причин или исторических прецедентов.

Как всегда, войны на территории эпистемологии в конечном счете оказываются этическими или политическими. Как отметил Бэкон, знание — это сила. Вовсе не та сила, что позволяет нам контролировать или управлять окружающим миром, но, скорее, власть, определяющая, кто наделен правом голоса и управления. Это власть определять то, какое место в социальном порядке должны по праву занимать те или иные люди, сущности или явления. Нет, проблемы знания — вовсе не невинные проблемы. Наоборот, они тесно связаны с жизнью, управлением и свободой. Поддерживаемая человеком эпистемология в значительной степени отражает его представления о должном социальном порядке, даже если это не бросается в глаза в сухих эпистемологических спекуляциях.

Однако за жаркими спорами эпистемологии, наделавшими много шума почти во всех дисциплинах, мы упускаем, что вопрос об объекте — это не эпистемологический вопрос о том, как мы *познаем* объекты, а вопрос о том, что *есть* объект. Тема *бытия* объектов отличается от вопроса о нашем *знании* об объектах. Вроде бы очевидно, что для обсуждения бытия объектов мы прежде должны *познать* их. А раз так, то само собой разумеется, что эпистемология или вопросы познания должны предшествовать онтологии. Как бы то ни было, я надеюсь показать в дальнейшем, что вопросы онтологии не сводятся к вопросам эпистемологии и должны предшествовать им как вопросам о нашем *доступе*

2. Докинз Р. Бог как иллюзия. М.: КоЛибри (Иностранка), 2008.

к объектам. То, чем объект является, не может быть сведено к нашему *доступу* к объектам. И как мы далее увидим, доступ этот крайне ограничен. Тем не менее мы все же можем многое сказать об их бытии.

Несмотря на ограниченность доступа, мы должны любой ценой избегать тезиса, гласящего, что объекты *суть* то, что *дает* наш доступ к ним. Как заявил Грэм Харман, объекты — это не данность. Вовсе нет. Эта книга как раз и защищает здоровый реализм. Однако — и это очень важно для последующих строк — здесь защищается *онтологический*, а не *эпистемологический* реализм. *Эпистемологический* реализм утверждает, что наши представления и язык суть верные отражения мира, как он есть на самом деле независимо от факта нашего существования. Он стремится различать истинные представления и фантазмы. *Онтологический* реализм, напротив, занят не нашим *познанием* объектов, а бытием самих объектов безотносительно к тому, существуем ли мы — те, что их представляют. Такой реализм утверждает, что мир составлен из объектов, что эти объекты разнообразны и включают в себя такие разнообразные сущности, как разум, язык, культурные и социальные сущности, независимые от людей объекты вроде галактик, камней, кварков, микробов и т. д. Прежде всего онтологический реализм отказывается рассматривать объекты как конструкции людей. Хотя все объекты и переводят (*translate*) друг друга, тем не менее переводимые объекты несводимы к своим переводам. Как мы увидим позднее, онтологический реализм полностью отвергает эпистемологический или то, что обычно уничижительно именуется наивным реализмом. Вначале может показаться, будто разница между онтологическим и эпистемологическим реализмом ничего не различает, но я покажу, что это различие сильно влияет на постановку ряда вопросов и исследование многих феноменов.

Одним из проблематичных последствий господства эпистемологии в нынешней философии является то, что она обрекает философию на сугубо антропоцентричную ориентацию. Ввиду того что онтологический вопрос о субстанции вычеркнут в пользу эпистемологического вопроса нашего *познания* субстанции, все дискуссии о ней неизбежно трактуются антропологически. В любые обсуждения субстанции между строк или мелким шрифтом заранее вписана отсылка к неявному «для-нас». Это касается даже антигуманизма структуралистов и постструктуралистов, которые стремятся обойтись без субъекта, заменив его разными безличными и анонимными социальными силами вроде языка и струк-

туры, превосходящими намерения отдельных людей. С ними мы по-прежнему остаемся в орбите антропоцентрической вселенной, коль скоро общество и культура — человеческие феномены, и все существующее подчинено этим силам. Бытие тем самым сводится к бытию для нас.

Книга же эта, напротив, стремится помыслить *бессубъектный* объект, или объект *для-себя*, а не коррелят субъекта. Другими словами, в этом эссе мы попытаемся помыслить объект для-себя, не являющийся объектом для взгляда субъекта, представления или культурного дискурса. Это и предполагается демократией объектов. Она не является политическим заявлением о том, что все объекты требуют равного отношения или что все они должны участвовать в делах людей. Демократия объектов — *онтологический* тезис о том, что все объекты, как прекрасно отметил Ян Богост, существуют в равной степени, хотя и не существуют равными. Первое означает, что ни один объект не может быть понят как сконструированный другим. Второе предполагает, что объекты играют разную роль в коллективах или ассамбляжах. Короче говоря, ни один объект, такой как субъект или культура, не является основанием для всех остальных. По сути, «Демократия объектов» пытается продумать существование объектов, свободных в своем бытии-для-себя от пристального взгляда человека.

Такая демократия, однако, не влечет за собой *исключение* человека. Скорее, мы получаем переопределение различий и децентрацию человека. Дело не в том, что мы должны уделять внимание объектам в ущерб людям. Такое предположение исходит из допущения, что люди — это какая-то особая категория, *иная*, чем объекты, которые им противостоят, следовательно, предположение основано на том, что объекты суть корреляты или полюсы, *противостоящие* или предстоящие людям. Напротив, в онтологии — так я называю разрабатываемую здесь онтологию — есть только один вид сущего: объекты. Как следствие, люди не исключаются, а, скорее, являются *одним из* видов объектов, существующих или населяющих мир, наделенных своими специфическими силами и способностями.

Здесь мы как раз и сталкиваемся с переопределением различий, предлагаемым объектно-ориентированной философией и онтологией. В книге «Законы формы» Джордж Спенсер-Браун утверждал, что, прежде чем заговорить о чем-либо, мы должны ввести различие. Различие как будто предшествует указанию. Указать (*indicate*) — значит вступить во взаимодействие с чем-то, представить или засвидетельствовать что-то в мире (указание имеет раз-

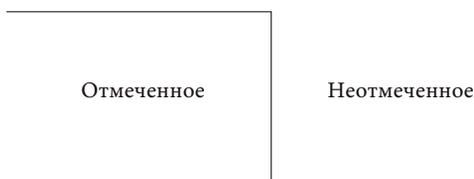

РИС. 3

личные формы). Так, например, когда я говорю, что светит солнце, я указываю на положение дел, но это указание основано на предварительном различии между, скажем, тьмой и светом, пасмурными и солнечными днями и т. д. По мнению Спенсера-Брауна, каждое различие предполагает отмеченное и неотмеченное пространства (рис. 3).

Уголок в схеме — это то, что Спенсер-Браун называет меткой различия. Отмеченное пространство вмещает доступное нам, а неотмеченное — все исключенное. Так, например, я могу нарисовать круг на листе бумаги (различие) и указать на то, что внутри круга. Из исчисления различий Спенсера-Брауна следуют два важных пункта. Во-первых, неотмеченная область невидима для использующего различие. Несмотря на то что во многих случаях границы различия могут быть преодолены, а неотмеченная область открыта доступу, при употреблении различия эта область становится слепым пятном для системы, вводящей различие. Существующее в неотмеченной области в то же время не существует для самой системы, использующей различие.

Однако эта область — не единственное слепое пятно, производимое различием. Помимо нее само различие является слепым пятном. Используемое различие само становится невидимым, поскольку, указывая что-либо, указывают именно «сквозь призму» различия. Ситуация здесь аналогична наблюдению через окно за ярко-красной птицей на дереве. Наше внимание целиком приковано к птице, и окно становится невидимым. Можно либо использовать свои различия, либо объективировать их, но невозможно одновременно и использовать, и объективировать. Различия, ускользая от взгляда в момент их использования, создают эффект реальности, так что свойства указанного как будто бы принадлежат скорее ему самому, нежели являются эффектами различия. Поэтому мы не осознаем, что возможны и другие различия. В результате мы неявно подверстываем мир под опре-

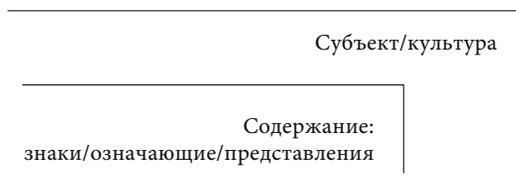

РИС. 4

деленный набор различий, не осознавая, что возможны совершенно иные указания.

В отмеченной области своих различий большая часть современной философии и теории размещает субъекта и культуру. Вследствие этого объекты попадают в область неотмеченного и отныне рассматриваются как иное по отношению к субъекту (рис. 4).

Для формализации этой логики достаточно вспомнить Фихте. Внутри любого различия могут быть подразделы, порождающие собственные области указания. В случае культурной (*culturalist*) схемы различие субъект/культура содержит подраздел, отмечаящий содержание. Ловушка в том, что, обращаясь с объектом как противостоящим субъекту или отличным от него, этот способ мышления понимает его, исходя из субъекта. Объект — это не объект как таковой и не автономная субстанция, существующая сама по себе, а, скорее, *представление*. Вследствие этого все остальное в мире оказывается лишь *проводником* для человеческих смыслов, значений, знаков или проекций. Аналогией такой культурной структуре различия может быть кино. Тогда объектом будет плоский киноэкран, проектором — субъект или культура, а кадрами — содержание или представление. В этой схеме роль экрана представляется незначительной, если она вообще есть, а в центре внимания оказываются представления или содержания. Экран, конечно, существует, но это всего лишь проводник для человеческих и культурных представлений.

Онтикология и объект-ориентированная философия, напротив, предлагают разместить *объекты* в отмеченной области различия (рис. 5).

Далее будет показано, что, когда объекты находятся в отмеченной области различия, имеющийся подраздел не сокращает доступное для указания, а, скорее, расширяет его. *Здесь субъекты и культура не исключаются, а, скорее, рассматриваются как определенные виды объектов*. Кроме того, теперь становится возмож-

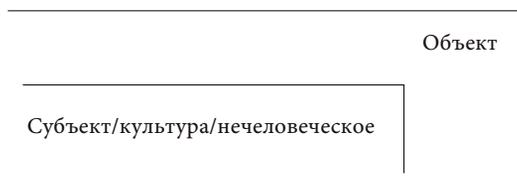

РИС. 5

ным работать с не имеющими отношения к людям (*non-human*) объектами, не рассматривая их в качестве проводников человеческих содержаний. То есть эта операция не является простой *инверсией* культурной схемы. Это не призыв переключиться с субъектов на объекты или же воспринимать субъекты как противостоящие объектам, а не объекты как противостоящие субъектам. И если объекты сводились к представлениям, когда субъект или культура занимали отмеченную область, так что объекты были, по сути, превращены в нечто субъективное или смыслы, размещение объектов в отмеченной области различия в рамках онтологии превращает субъект в один из многих объектов, подрывая тем самым его привилегированное, центральное или основополагающее место в философии и онтологии. Субъекты — это объекты *среди* объектов, а не постоянные устойчивые точки референции для всех остальных объектов. Так мы приходим к начальным посылкам того, чем *должны были бы* быть антигуманизм и постгуманизм, ведь эти направления уже не разделяют тезис о том, что мир построен анонимными и безличными социальными силами, противостоящими индивидуальному субъекту. Скорее, мы получаем множество населяющих мир самостоятельных нечеловеческих акторов, не редуцируемых к представлениям и свободных от привязки к человеческому, которая как раз и сводила бы их к нашим представлениям.

Таким образом, в мышлении бытия мы переключаемся с двух несоизмеримых миров, природы и культуры, на разнообразные *коллективы* объектов. Латур убедительно показал, что в модернистской схеме, задающей эпистемологический реализм и эпистемологический антиреализм, мир поделен на две области: культуру и природу. Область субъекта и культуры — это мир свободы, смыслов, знаков, представлений, языка, власти и т. д. Область природы — бытие, состоящее из материи, управляемой механистической причинностью. В теории и философии, разделяющих этот

дуализм, неявно работает аксиома, утверждающая, что эти миры должны удерживаться разделенными, чтобы их качества не смешивались. Так, например, значительная часть культурной теории занимается объектами лишь как проводниками знаков и представлений, пренебрегая всеми несемантическими и нерепрезентативными различиями, которые могли бы внести не-человеческие объекты в коллективы. У общества могут быть только социальные свойства, но никак не качества мира помимо человека.

Думаю, культурная и модернистская формы различия гибельны для социального и политического анализа, как и для внятной эпистемологии. Поскольку форма различия, скрытая в культурном модусе различия, указывает на содержание и помещает не-человеческие объекты в неотмеченную область различия, невидимыми становятся все типы факторов, ответственные за то, каковы коллективы с участием людей. Означающие, смыслы, знаки, высказывания, нормы и нарративы служат нелегкому делу — объяснить, почему социальное организуется именно так, а не иначе. Хотя все эти агенты, несомненно, играют значительную роль в формировании коллективов, включающих и людей, указанный способ различия заставляет нас пренебрегать ролью не-человеческого и не-означающего в виде технологий, погодных условий, ресурсов, болезней, животных, стихийных бедствий, наличия или отсутствия дорог, доступности воды, животных, микроорганизмов, наличия или отсутствия электричества и высокоскоростных подключений к интернету, транспортных средств и т. д. Все они, как и многое другое, играют решающую роль в объединении людей разными способами, внося различия, которые, хотя и пересекаются с означающими агентами, остаются тем не менее не-означающими. Активистская политическая теория, помещающая все яйца в корзину содержания, обречена на поражение, поскольку будет постоянно изумляться, почему же ее критика идеологии не приводит к желаемым или намеченным социальным переменам. Более того, во времена нарастающей угрозы глобальных климатических изменений безответственно воспроизводить различия, исключая акторов, не зависящих от людей.

В эпистемологическом плане субъект-объектное различие любопытным образом заставляет эпистемологов фокусироваться лишь на пропозициях и представлениях, по большей части пренебрегая ролью практик и не-человеческих акторов в производстве знания. Как следствие, основной вопрос сводится к тому, как пропозиции могут соответствовать реальности и соответствуют ли вообще. При этом мы игнорируем лабораторные условия, взаимо-

Коллективы

РИС. 6

действия с материалом и инструментами и т. д. Как если бы эксперимент и сущности, населяющие лабораторию, рассматривались лишь как средства познания, которыми можно без опаски пренебречь, решив, что они ничего не добавляют к содержанию пропозиций, а следовательно, не играют серьезной роли в производстве знания. Однако из-за пренебрежения местом, практиками и процедурами, вовлеченными в производство знания, постановка вопроса о том, как пропозиции представляют реальность, становится совершенно невразумительной, ведь мы лишаемся возможности понять и происхождение пропозиций, и то общее место, где встречаются миры не-человеческого и человеческого.

Переключаясь с дуалистической онтологии природно-культурного раскола на коллективы, онтикология и объектно-ориентированная философия размещают все на одной онтологической плоскости. Вместо двух разных онтологических регионов — области субъекта и области объекта — мы получаем единый план бытия, населенный множеством объектов различных типов, включая людей и общества (рис. 6).

Понятие коллектива позволяет уйти от мышления о бытии в терминах двух самостоятельных областей и понимать его как единую плоскость, в которой, если использовать удачный термин Карэн Барад, объекты переплетены друг с другом³. В таком случае общество и природа не выделяются в два отдельных непересекающихся мира. Скорее, коллективы, включающие людей, всегда переплетены с разного рода не-людьми, без которых такие коллек-

3. *Barad K. Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Durham: Duke University Press, 2007.*

Коллективы

РИС. 7

тивы просто не могли бы существовать. Конечно, такие коллективы населены знаками, означаемыми, смыслами, нормами и множеством разных сущностей, но здесь также есть всевозможные не-означающие сущности: животные, сельскохозяйственные культуры, метеорологические события, географии, реки, микробы, технологии и т. д. Онтикология и объектно-ориентированная онтология обращают наше внимание на эти переплетения, уравнивая в правах людей и независимые от них объекты.

Впрочем, было бы ошибкой предполагать, что коллективы обязательно включают людей. Действительно, такие коллективы существуют, но есть и такие, что состоят из объектов и не имеют отношения к людям (рис. 7).

Словом, не все завязано на человеческом, как и не все связано со всем, что я постараюсь показать в дальнейшем. Коллективы с участием людей могут быть интересны, поскольку мы сами к ним относимся, но с точки зрения онтологии мы должны избегать рассматривать все коллективы как включающие человеческую составляющую.

Исходя из вышесказанного понятно, сколь своеобразна предлагаемая онтология. Вместо того чтобы противопоставлять объекты субъекту, я предлагаю рассматривать как объекты все, включая субъектов. Более того, чтобы избавиться от характерной для модерна гипотезы дуалистического мира, я настаиваю на том, что нужно непреклонно отстаивать автономию объектов или субстанций, отказываясь от редукции объектов к их отношениям, будь то отношения к людям или другим объектам. На мой взгляд, именно реляционизм является истоком модернистской схемы. Если мы хотим избежать *апорий*, возникающих в модернистской

схеме, то это прежде всего требует от нас преодоления реляционизма или тезиса о том, что объекты конституируются своими отношениями. Соответственно, вслед за новаторской объектно-ориентированной философией Грэма Хармана я утверждаю, что объекты уклоняются от всех отношений. У этого странного тезиса, думаю, глубокие последствия. С одной стороны, утверждая, что объекты уклоняются от их отношений, мы сохраняем самостоятельность и несводимость субстанции, тем самым избегая бесконечного и в этом смысле избитого спора между эпистемологическими реалистами и антиреалистами. С другой стороны, если антиреалисты заиклились как одержимые на одном-единственном разрыве — между людьми и объектами, бесконечно обсуждая, как именно объекты недоступны для представления, то объектно-ориентированная философия позволяет *размножить* этот разрыв, рассматривая его не как уникальную или привилегированную особенность людей, но как истину всех отношений между объектами, являются они людьми или нет. То есть различие между людьми и другими объектами — это различие степени, а не качества. Иными словами, все объекты переводят друг друга. Перевод — это не уникальное свойство того, как разум относится к миру. Вследствие этого ни у одного объекта нет прямого доступа к другим объектам.

Онтикология и объектно-ориентированная философия оказываются, таким образом, в странном положении по отношению к спекулятивному реализму. Спекулятивный реализм — это не имеющее четкой формы философское объединение, возникшее в результате организованной Альберто Тоскано в 2007 году конференции в Голдсмитском колледже. Несмотря на то что участники этого события — Рэй Брассье, Йэн Хэмилтон Грант, Грэм Харман и Квентин Мейясу — занимают очень разные философские позиции, их объединяет защита реализма и отказ от антиреализма или «корреляционизма», как они его называют. Вместе с другими спекулятивными реалистами онтикалогия и объектно-ориентированная философия защищают реалистическую онтологию, отказывающуюся от представления об объектах как конструкциях или же просто коррелятах разума, субъекта, культуры или языка. Тем не менее вместе с *антиреалистами* онтикалогия и объектно-ориентированная философия настаивают на том, что объекты не имеют прямого доступа друг к другу и что каждый объект переводит объекты, с которыми вступает в нереляционные отношения. Соответственно, объектно-ориентированная философия и онтикалогия отвергают эпистемологический реализм дру-

гих реалистических философий, расставаясь с проектом контроля (*policing*) представлений и демистификации критики. Разница в том, что если антиреалисты концентрируются на разрыве только между людьми и объектами, то объектно-ориентированная философия и онтикология понимают этот разрыв как общую черту всего существующего. Одно из важнейших преимуществ объектно-ориентированной философии и онтикологии, я считаю, состоит в том, что она может интегрировать ряд выводов антиреалистической философии и континентальной социальной и политической теории, не попадая в тупики, подобно проклятию преследующие ныне антиреалистические направления мысли.

Для тех, кто не знаком с основными тезисами объектно-ориентированной философии и онтикологии, список референтных для них фигур может оказаться полезным для ориентации внутри направления. Среди героев онтикологии — Грэм Харман, Бруно Латур, Изабелла Стенгерс, Тимоти Мортон, Ян Богост, Никлас Луман, Джейн Бенетт, Мануэль ДеЛанда, Маршалл Маклюэн, Фридрих Киттлер, Карэн Барад, Джон Протеви, Уолтер Онг, Делёз и Гваттари, такие теоретики развивающихся систем, как Ричард Левонтин и Сьюзен Ойама, Альфред Норт Уайтхед, Донна Харауэй, Рой Бхаскар, Кэтрин Хейлс и многие другие. Некоторые из них будут появляться на этих страницах чаще, чем остальные, другие — редко или вовсе останутся без внимания, но все они сильно повлияли на мои размышления. Через работы этих теоретиков красной нитью проходит идея глубокой децентрации человека и субъекта, оставляющей, однако, место для человека, представления и смыслов, а также соответствующее внимание ко всем видам не-человеческих объектов или акторов в сочетании с отказом сводить этих агентов к роли проводников смыслов и знаков. Я строил свою аргументацию подобно бриколелу, свободно используя многообразие дисциплин и мыслителей, чьи работы не обязательно согласуются друг с другом. О бриколере Леви-Стросс писал, что он

...способен выполнить огромное число разнообразных задач. Но в отличие от инженера ни одну из них он не ставит в зависимость от добывания сырья и инструментов, задуманных и обеспечиваемых в соответствии с проектом: мир его инструментов замкнут, и правило игры всегда состоит в том, чтобы устраиваться с помощью «подручных средств», то есть на каждый момент с ограниченной совокупностью причудливо подобранных инструментов и материалов, поскольку составление этой совокупности не соотносится ни с проектом на данное время, ни, впрочем, с ка-

ким-либо иным проектом, но есть результат, обусловленный как всеми представляющимися возможностями к обновлению, обогащению наличных запасов, так и использованием остатков предшествующих построек и руин. Итак, совокупность бриколерских средств определяется не каким-либо проектом (что бы предполагало, как у инженера, существование и наборов инструментов и проектов разного рода, по меньшей мере в теории); она определяется лишь своим инструментальным использованием; иначе говоря, если употребить язык бриколера, элементы собираются и сохраняются по принципу «это может всегда сгодиться». Поэтому такие элементы являются полуспециализированными. Этого достаточно, чтобы бриколеру не требовалось оборудования и знаний по всем специальностям, но этого недостаточно, чтобы каждый элемент был подчинен точному и обусловленному использованию. Каждый элемент воспроизводит одновременно целостную совокупность отношений, и конкретных, и потенциальных; это операторы, но пригодные для каких-либо операций одного типа⁴.

Читателям, удивленным соседством на этих страницах некоторых фигур и направлений мысли, следует напомнить, что это работа бриколера и что она в значительной степени отражает особенности моего собственного интеллектуального окружения и развития. Например, Лакан довольно часто появляется здесь, поскольку когда-то я был практикующим психоаналитиком. Как я буду утверждать далее, каждый объект — это толпа (*crowd*), и это прежде всего относится к книгам. Хотя материалы, из которых создается книга, могут быть разнородными, важно не то, согласуются ли они сами по себе друг с другом, а, скорее, удастся ли произведенному из них продукту достичь определенной степени связности в формировании нового объекта. Читатели, например, могут быть удивлены, обнаружив в одной компании объектно-ориентированную онтологию Хармана, конструктивизм аутопойетической социальной теории Никласа Лумана, онтологию виртуального Делёза и Гваттари и психоаналитическую теорию Жака Лакана. Поодиночке эти теории во многих аспектах противостоят друг другу. Однако работа бриколера как раз и состоит в сборке разнородных материалов так, чтобы получилось нечто способное существовать самостоятельно. Надеюсь, мне это удалось, но я отнюдь не утверждаю, что это единственный способ построения объектно-ориентированной онтологии, и я совершенно не заин-

4. Цит. по: *Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 127.*

тересован в том, чтобы контролировать других, навязывая ту или иную теорию реальности.

Маловероятно, что объектно-ориентированные онтологи в обозримом будущем убедят эпистемологических реалистов или антиреалистов в том, что они нашли способ преодолеть эпистемологические проблемы, возникающие из дуалистической модели бытия. Цитируя Макса Планка, Маршалл и Эрик Маклюэны пишут: «Новая научная истина побеждает не благодаря переубеждению или просвещению своих противников, а, скорее, потому, что они умирают, и вырастает новое поколение, свыкшееся с этой истиной»⁵. Похоже, так же и в философии. Новаторские движения в философии не столько доказывают несостоятельность своих противников, сколько просто перестают заниматься определенными вопросами и проблемами. Во многом следуя советам Ричарда Рорти, объектно-ориентированная онтология пытается просто выйти из дискуссии. Объектно-ориентированное онтологи устали от делящейся уже более двух веков дискуссии, понимая, что возможные вариации участвующих в ней позиций исчерпали себя, и хотят начать размышлять о другом. Если этого недостаточно для эпистемологической полиции, то мы будем более чем счастливы признать свою вину, принять вменяемое нам отсутствие строгости и благополучно остаться со своей иллюзией, предполагающей, будто можно говорить о независимой от человека реальности. Но ведь такое решение просто двигаться дальше не в новинку в философии. Никто еще не опроверг ни солипсизма, ни берклианского субъективного идеалиста, при этом ни солипсизм, ни крайности берклианского идеализма никогда не были в центре актуальных философских дискуссий. Философы по большей части игнорируют эти позиции или используют их как примеры запрещенных ходов. Почему бы точно так же не прекратить бесконечные дебаты по поводу доступа?

Тем не менее в дальнейшем я постараюсь сформулировать аргументы, эпистемологически обосновывающие отстаиваемый мной онтологический реализм.

5. *McLuhan M., McLuhan E. Laws of Media: The New Science. Toronto: University of Toronto Press, 1988. P. 42.*